

СВѢТЛѢЙШІЙ КНЯЗЬ

Александръ Ивановичъ Чернышевъ.

Биографическій очеркъ.

(Статья вторая)¹⁾.

III.

Событія 1809 года, какъ выше упомянуто, совершенно измѣнили взаимныя отношенія европейскихъ державъ, обусловленные Тильзитскимъ миромъ и Эрфуртскою конвенціею. Несвоевременный воинственный пылъ, увлекшій Австрію до разрыва съ Наполеономъ, приблизилъ Императора Александра, скорѣе чѣмъ ему было желательно, къ той конечной развязкѣ, къ которой онъ неуклонно стремился съ 1805 года. Эта тайна императорской политики, составлявшая дѣйствительно «*le secret du Tsar*», но вовсе не отношенія Александра къ Польшѣ, какъ пишетъ Вандаль²⁾, заключалась въ низверженіи Наполеона и уничтоженіи преобладающаго значенія Франціи.

Дѣла съ Швеціею, благодаря Фридрихсгамскому миру были

приведены къ вождеденному концу: Финляндія съ Аландскими островами вошли въ составъ русской Имперіи. Но за то борьба съ Оттоманскою Портою, противъ которой обращены были главныя силы Имперіи, не была еще покончена; достигнутые нами результаты послѣ многолѣтней войны оставляли многого желать; каждый годъ новый полководецъ предпринималъ новый походъ и разстраивалъ своимъ неумѣлымъ образомъ дѣйствій лучшія политическія комбинаціи Александра. Теперь же, послѣ Шенбрунскаго мира, требовалась крайняя осторожность и искусство, чтобы вести далѣе Россію по пути, намѣченному Государемъ; въ данную минуту самымъ существеннымъ условіемъ успѣха являлось отклоненіе немедленнаго разрыва съ Франціею, который отнюдь не входилъ въ политическіе расчеты Императора Александра.

Между тѣмъ. Наполеонъ, нѣсколько успокоившись послѣ разочарованій, испытанныхъ имъ въ 1809 году, пытался найти почву для новаго сближенія съ Россіею и упроченія ускользавшей изъ его рукъ дружбы Тильзитскаго союзника. Хотя Наполеонъ писалъ Александру: «*Je laisse Votre Majesté juge qui est le plus dans le langage de l'alliance et de l'amitié, d'elle ou de moi. Commencer à se défier, c'est avoir déjà oublié Erfurt et Tilsit. Votre Majesté sera-t-elle assez bonne pour approuver cet épanchement?*»¹⁾. Политическое благоразуміе одержало верхъ надъ увлеченіемъ и неудовольствіемъ; французскій владыка спохватился въ-время и нашелъ даже почву для скрѣпленія пошатнувагося союза съ Россіею въ послѣдствіяхъ развода своего съ императрицею Жозефиною. Это обстоятельство навело Наполеона на мысль давно уже имъ лелеянную: сродниться съ русскимъ императорскимъ домомъ и просить руки русской великой княжны. Дипломатическому искусству Коленкура поручено было привести это щекотливое дѣло къ желаемой развязкѣ. Переговоры, начавшіеся тогда между французскимъ посломъ и Государемъ слѣдуетъ признать вѣнцомъ дипломатической ловкости Александра и они требуютъ полнаго пересмотра всего извѣстнаго доселѣ officialнаго хода этого дѣла. Замѣтимъ здѣсь только, что переговоры приняли именно тотъ оборотъ, который желалъ имъ придать Императоръ Александръ. вмѣсто Великой Княжны Анны Павловны выборъ Наполеона остановился на эрцъ-герцогинѣ Маріи-Луизѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ на него пала неблагоприятная тѣнь, что онъ велъ какъ бы двой-

¹⁾ Письмо Наполеона къ Императору Александру отъ 31-го декабря 1809 года изъ Парижа.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1902 г., № 1.

²⁾ Vandal: Napoléon et Alexandre I—Paris 1893. Т. 2. р. 325.

ную негоціацію. Все это какъ нельзя лучше входило въ рамки задуманнаго Александромъ плана; среди существовавшихъ уже политическихъ замѣшательствъ, для него явился прекрасный случай разыграть роль обиженнаго, какъ бы жертвы вѣроломства Наполеона, въ то самое время, какъ онъ сокровенно радовался конечному исходу брачныхъ переговоровъ, избавившему Россію отъ необходимости поддерживать въ будущемъ владычество Наполеона.

Отнынѣ разрывъ между Франціею и Россіею становился неизбежнымъ; но обѣ стороны не были приготовлены къ гигантской борьбѣ, долженствовавшей рѣшить участь Европы; нужно было прежде всего заботиться объ одномъ, о выигрышѣ времени. Поэтому съ 1810 года начался между обоими императорами особый родъ переговоровъ, для которыхъ впоследствии Бисмаркъ придумалъ характеристическое названіе: «*dilatorische Verhandlungen*».

Въ эту минуту въ числѣ лицъ дѣйствовавшихъ на политическомъ поприщѣ снова является флигель-адъютантъ Чернышевъ. Императоръ Александръ послалъ его въ Парижъ въ январѣ 1810 года и поручилъ ему находиться въ распоряженіи Наполеона. Чернышевъ прибылъ въ Парижъ 11-го (23-го) февраля и привезъ Наполеону письмо Императора Александра ¹⁾. Но пока Чернышевъ находился въ дорогѣ, вся политическая обстановка совершенно измѣнилась, и дружба съ Россіею успѣла уже утратить то временное оживленіе, которое придало ей возможность появленія въ Парижѣ русской Великой Княжны. Теперь на первомъ планѣ стояла Австрія.

Несмотря на видимое охлажденіе къ Россіи, распространившееся и на тюльрійскія придворныя сферы, по отношенію къ русскимъ вообще, Чернышевъ былъ осыпанъ ласками, даже со стороны Наполеона; только на немъ не отразилась совершившаяся политическая перемѣна. Чернышевъ бывалъ также у любимой сестры Наполеона, принцессы Боргезе и у королевы Неаполитанской, вращаясь, такимъ образомъ, въ самомъ тѣсномъ домашнемъ кругу. Здѣсь узнавалъ онъ всѣ подробности касающіяся новаго Тюльрійскаго двора, разговоры, мысли Наполеона остававшіеся неизвѣстными прочимъ дипломатамъ. Чернышеву тѣмъ легче было вывѣдывать всѣ придворныя тайны, что сестры Наполеона были раздражены появленіемъ новой императ-

¹⁾ Письмо Императора Александра было дружеское и пріисполнено комплиментарными выраженіями. Оно было написано въ то время, когда въ Петербургѣ еще не отразились новыя политическія теченія, вызванныя австрійскимъ бракомъ. Во время отравленія Чернышева въ Парижъ, политическая комедія о русскомъ бракѣ еще продолжалась съ Коленкуримъ.

рицы Маріи-Луизы и оскорбленное самолюбіе склоняло ихъ часто на чрезвычайно занимательныя откровенности, не лишеныя иной разъ и политическаго значенія.

Приближенные къ Наполеону сановники: Талейранъ, Шампаньи, Бертье, Дюрокъ, Савари, также встрѣчали Чернышева съ величайшею предупредительностью и наперерывъ приглашали къ себѣ на обѣды и вечера.

Присутствуя на всѣхъ празднествахъ, которыми ознаменовалось въ Парижѣ бракосочетаніе Наполеона, Чернышевъ находился также на знаменитомъ балѣ князя Шварценберга, кончившемся извѣстнымъ ужасающимъ пожаромъ. Когда внезапно загорѣлась танцевальная зала и среди всеобщей суматохи погибало не малое число жертвъ, Чернышевъ и тутъ успѣлъ отличиться: онъ спасъ жизнь супругамъ маршала Нея, Дюрока и сенатора Богарне.

Увеселенія парижскаго великосвѣтскаго общества, которыми Чернышевъ видимо увлекался со всѣмъ пыломъ, свойственнымъ его юнымъ годамъ, не мѣшали ему, однако, посылать въ Петербургъ обширныя донесенія, въ которыхъ онъ представлялъ вниманію Государя всѣ сколько нибудь замѣчательныя явленія политической жизни того времени; ничто не ускользало отъ зоркаго ока молодого флигель-адъютанта, въ то время, когда въ Парижѣ его считали только «*grand mangeur de coeurs*».

Въ своихъ донесеніяхъ Чернышевъ увѣдомлялъ Государя обо всемъ касавшемся Наполеона, писалъ о путешествіяхъ императора, о сохраняемыхъ въ глубокой тайнѣ извѣстіяхъ, о войнѣ на Пиренейскомъ полуостровѣ, посылаемыхъ туда подкрѣпленій, о проживавшихъ въ Парижѣ полякахъ и общественныхъ толкахъ во Франціи и столицѣ. Чернышеву удалось также завести тайныя связи съ французскимъ военнымъ министерствомъ, которыя доставили ему драгоценныя свѣдѣнія относительно росписанія войскъ и мѣстъ ихъ расположенія. Чернышевъ не раздѣлялъ оптимистическое воззрѣніе тѣхъ лицъ, которыя полагали, что новый бракъ Наполеона укротитъ его воинственный, предприимчивый духъ и приведетъ Францію къ мирной эрѣ; напротивъ того, Чернышевъ высказалъ убѣжденіе, что прежняя страсть Наполеона разрушать и созидать осталась и послѣ брака во всей силѣ, и что новѣйшіе замыслы завоевателя направлены будутъ противъ Россіи. Такимъ образомъ 25-ти-лѣтній юноша оказался проницательнѣе присяжныхъ дипломатовъ и ему принадлежитъ честь перваго предупрежденія Императора Александра относительно угрожающей Россіи опасности.

Вскорѣ Чернышеву представился случай оказать Государю новую услугу. Случилось происшествіе, на которое никто не рассчитывалъ: шведскіе государственные чины избрали наслѣдникомъ бездѣтнаго короля Карла XIII, французскаго маршала Бернадота, принца Понте-Корво. Въ виду возможной войны между Франціею и Россіею, о которой ходили уже темные слухи, весьма важно было удостовѣриться съ нашей стороны въ истинномъ образѣ мыслей новаго шведскаго наслѣднаго принца. Чернышевъ предупредилъ желаніе Императора Александра. Онъ уже давно успѣлъ снискать особенное къ себѣ расположеніе маршала Бернадота, и пользовался часто откровенною его бесѣдою; поэтому, когда совершилось избраніе Бернадота, ему легко было продолжать существовавшія уже прежде сношенія и узнать намѣренія новаго наслѣднаго принца.

Пригласивъ къ себѣ Чернышева обѣдать, Бернадотъ вступилъ съ нимъ затѣмъ наединѣ въ откровенную бесѣду. «Вы знаете, любезный другъ», сказалъ онъ, «все, что со мною случилось. Выборъ въ наслѣдные принцы такъ меня удивилъ, какъ будто бы черепица упала на мою голову (j'ai cru qu'une tuile me tombait sur la tête) и я былъ готовъ отказаться; но потомъ я разсудилъ, что если, благодаря моей репутаци, во мнѣ признали дарованія и твердость для управленія храбрымъ народомъ, то съ моей стороны будетъ малодушіемъ обмануть его желанія и надежду; прибавлю откровенно, что честолюбіе и милостивое отношеніе ко мнѣ въ этомъ дѣлѣ Императора, много содѣйствовали къ рѣшенію съ моей стороны принять сдѣланное предложеніе. Я знаю, что если когда нибудь въ этой странѣ верховная власть перейдетъ ко мнѣ, то отвѣтственность моя будетъ велика; мнѣ также извѣстно, что шведскій народъ, хотя добрый и обладаетъ многими прекрасными качествами, тѣмъ не менѣе, нѣсколько безпокойнаго характера; но я прошелъ всю французскую революцію и приобрѣлъ нѣкоторую опытность и надѣюсь предохранить этотъ народъ отъ заблужденій. Я уже неоднократно имѣлъ случай высказывать вамъ мои принципы, вамъ знакомъ мой характеръ и потому мнѣ не трудно будетъ убѣдить васъ, что я буду *хорошимъ сосѣдомъ* (je serai un bon voisin). Мнѣ извѣстно также, что если военный, не лишенный дарованій, обнажить шпагу съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлать завоеванія, то онъ можетъ рано или поздно достигнуть своей цѣли; но я не почитаю благо народа въ болшемъ или меньшемъ пространствѣ земли. Единственнымъ предметомъ моихъ попеченій будетъ улучшеніе всѣхъ отраслей внутренняго управленія, равно какъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, для

обезпеченія торговли и внѣшняго спокойствія. Я вовсе не ослѣпленъ моимъ положеніемъ и мнѣ извѣстны всѣ опасности, которыя меня ожидаютъ. Таковъ, любезный другъ, мой образъ мыслей обо всемъ случившемся, согласный съ присущими мнѣ принципами, которые во всѣ времена были одними и тѣми же и останутся неизмѣнными. Затѣмъ я французъ, люблю мое отечество, и многимъ обязанъ его величеству императору».

Въ заключеніе разговора, принцъ просилъ Чернышева и впредь посѣщать его, хотя дверь новаго наслѣднаго принца была закрыта для всѣхъ, и прибавилъ, что онъ съ восхищеніемъ будетъ принимать Чернышева не только въ Парижѣ, но даже въ Стокгольмѣ, если онъ когда-нибудь найдетъ возможность быть туда посланнымъ. Затѣмъ принцъ просилъ Чернышева принять въ знакъ дружбы послѣдній оставшійся у него экземпляръ отчета, представленнаго имъ консуламъ республики, за время управленія его военнымъ министерствомъ¹⁾.

Такимъ образомъ, почва для будущаго сближенія Россіи съ Бернадотомъ была прекрасно подготовлена Чернышевымъ и Императору Александру оставалось только довершить столь искусно начатое дѣло.

IV.

Со времени пріѣзда Чернышева, въ началѣ 1810 г., въ Парижѣ, охлажденіе прежней дружбы между Наполеономъ и Александромъ все болѣе возростало.

Однимъ изъ послѣдствій Шенбрунскаго мирнаго договора 1809 г. былъ проектъ особой конвенціи, которую Россія предполагала заключить съ Франціею по польскому вопросу. Въ то время, когда Наполеонъ еще мечталъ увидѣть русскую Великую Княжну на французскомъ престолѣ, Коленкуръ уполномоченъ былъ подписать, совместно съ графомъ Румянцевымъ, выработанную ими конвенцію²⁾. По условіямъ этого акта постановили:

¹⁾ Делеша Чернышова къ канцлеру гр. Румянцеву отъ 5-го (17-го) сентября 1810 г. изъ Парижа.

²⁾ Насколько Наполеонъ желалъ тогда упрочить союзъ съ Россіею, можно видѣть также изъ слѣдующихъ словъ его рѣчи къ законодательному корпусу 3-го декабря 1809 года: «Mon allié et ami l'empereur de Russie, a réuni à son vaste empire la Finlande, la Moldavie, la Valachie et un district de la Galicie. Je ne suis jaloux de ce qui peut arriver de bien à cet empire. Mes sentiments pour son illustre souverain sont d'accord avec ma politique.

- 1) Королевство польское никогда не будетъ возстановлено.
- 2) Договаривающіяся стороны употребятъ всѣ средства, чтобы названіе *Польшы* и *поляковъ* никогда не присвоивалось какой-либо области, входившей въ составъ бывшаго польскаго королевства, и было бы навсегда изглажено изъ государственныхъ актовъ.

Остальныя статьи этой страшнѣйшей конвенціи, которая по существу своему должна была оставаться, даже въ случаѣ утвержденія Наполеономъ, бумажнымъ дѣломъ, лишеннымъ жизненной силы, касались уничтоженія польскихъ орденовъ, воспрещенія принимать русскихъ подданныхъ на службу варшавскаго герцогства и обязательства не увеличивать герцогства областями, нѣкогда принадлежавшими Польшѣ.

Наполеону оставалось только ратифицировать конвенцію, подписанную его посломъ, но не состоявшійся русскій бракъ, и замѣна его австрійскимъ, сразу измѣнили положеніе дѣлъ. Императоръ отказался ратифицировать выработанную въ Петербургѣ конвенцію и предложилъ новую редакцію ея, несогласную съ видами нашего правительства, требуя вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы это соглашеніе оставалось секретнымъ ¹⁾. Для обоихъ союзниковъ явился прекрасный предлогъ къ нескончаемымъ взаимнымъ пререканіямъ.

Вскорѣ къ существовавшимъ неудовольствіямъ присоединились еще новыя.

Для упроченія континентальной системы, Наполеонъ началъ въ 1810 г. расширять предѣлы своей имперіи путемъ декретовъ; наступила эпоха внутреннихъ завоеваній. Такимъ образомъ была уничтожена самостоятельность голландскаго королевства, и послѣдовательно присоединены къ Франціи ганзейскіе города, Лауенбургъ и все побережье Нѣмецкаго моря. «Присоединеніе требуется обстоятельствами (*la réunion est commandée par les circonstances*)», писалъ французскій министръ внѣшнихъ сношеній по поводу этихъ картографическихъ фантазій Наполеона, который мечталъ о томъ, чтобы распространить ихъ постепенно и далѣе по Балтійскому морю.

Всѣ эти мѣропріятія Наполеона, конечно, не могли возбудить особеннаго сочувствія въ Императорѣ Александрѣ. Но ранѣе при-

¹⁾ Самая существенная часть конвенціи была передѣлана такимъ образомъ, что Наполеонъ обязывался «никогда не способствовать никакому предпріятію, клонящемуся къ возстановленію Польшы».

веденія ихъ въ исполненіе, Наполеонъ, сознавая, что Россія начинаетъ ускользать изъ его рукъ, рѣшился путемъ убѣжденія удержать и скрѣпить ее въ сѣтяхъ, столь нужной для его политическихъ видовъ, континентальной системы. Получивъ извѣстіе, что въ русскія гавани Балтійскаго моря двинулось 600 англійскихъ купеческихъ кораблей подъ разными флагами, Наполеонъ желалъ, чтобы они были задержаны и конфискованы въ русскихъ гаваняхъ. Вѣстникомъ этого требованія онъ избралъ Чернышева.

9-го (21-го) октября, во время пребыванія Наполеона въ Фонтенебло, министръ внѣшнихъ сношеній Шампаньи передалъ Чернышеву, что императоръ намѣренъ дать ему порученіе въ Петербургъ и приглашаетъ его провести нѣсколько дней въ этомъ дворцѣ. Вечеромъ при дворѣ былъ балъ. Наполеонъ подозвалъ къ себѣ Чернышева, сталъ съ нимъ у окна и вступилъ въ продолжительный разговоръ, записанный со всею точностью его собесѣдникомъ.

Наполеонъ сказалъ Чернышеву, что намѣренъ отправить его въ скоромъ времени къ Императору Александру и такъ какъ онъ не можетъ изложить всего письменно, то онъ очень радъ воспользоваться случаемъ, чтобы довести черезъ него до свѣдѣнія Государя все то, что онъ имѣетъ передать, какъ относительно предмета, о которомъ въ письмѣ идетъ рѣчь, такъ и относительно многихъ другихъ очень важныхъ вещей; довѣряя ему, онъ вполне увѣренъ, что Его Величеству будетъ представлено положеніе дѣлъ такимъ, каково оно на самомъ дѣлѣ и въ томъ смыслѣ, который онъ желаетъ. Наполеонъ сказалъ затѣмъ Чернышеву, что онъ остался имъ доволенъ и написалъ это Государю ¹⁾; приглашалъ его постараться о возвращеніи къ нему, увѣряя своего собесѣдника, что онъ принадлежитъ къ числу лицъ, появленіе которыхъ будетъ ему всегда пріятно.

Затѣмъ Наполеонъ перешелъ къ политическимъ дѣламъ. Сперва онъ коснулся событій на Балканскомъ полуостровѣ и отнесся критически къ нашимъ военнымъ операціямъ, стараясь оправдать себя отъ обвиненій, что онъ будто бы возбуждалъ упорство турокъ. Потомъ онъ высказалъ увѣренность, что если Императоръ Александръ будетъ продолжать придерживаться его системы, то царствованіе Государя будетъ самымъ блистательнымъ и славнымъ, каково Россія

¹⁾ Наполеонъ упорно продолжалъ величать Чернышева графомъ и въ письмѣ къ Императору Александру сказалъ: «*Le comte Czernichef, qui retourne près de Votre Majesté, s'est fort bien conduit ici.*»

никогда не видывала, что этимъ осуществится его *романъ*, доставивъ ей Финляндію и теченіе Дуная, съ надеждою вскорѣ достигнуть мира на морѣ (*c'était accomplir son roman que de lui donner la Finlande et le cours du Danube avec l'espoir d'avoir dans peu la paix maritime*), что неминуемо случится, если рѣшено будетъ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ, съ отстраненіемъ всякихъ уклоненій, что англичане теперь уже сильно стѣснены въ своихъ дѣлахъ, и въ настоящее время отъ Императора Александра всецѣло зависитъ довести ихъ до крайности, воспретивъ совершенно входить въ русскія гавани 600-мъ англійскимъ кораблямъ, которые находятся въ Балтійскомъ морѣ; что ему извѣстно, что четыре мѣсяца тому назадъ всѣ громко требовали въ Англии продолженія войны, а теперь, напротивъ, всѣ жаждутъ мира; что Россія по своему географическому положенію есть другъ Франціи (*l'amie née de la France*) и оставаясь въ пріязни съ нею, она пріобрѣтетъ выгоду въ расширеніи своихъ предѣловъ, способствуя въ то же время достиженію въ скоромъ времени мира на морѣ, независимаго отъ прихотей и деспотизма націй, которая чувствуетъ себя наканунѣ гибели, благодаря мѣрамъ, принятымъ противъ нея въ послѣднее время; въ противномъ случаѣ, Россія снова поставитъ себя въ положеніе, въ которомъ она можетъ только подвергаться случайностямъ; что онъ прекрасно знаетъ, что и онъ, въ свою очередь, тоже будетъ подвергаться случайностямъ, но онъ имѣетъ увѣренность, что если бы возобновилась война между двумя имперіями, она послужитъ ко вреду побѣдителю и побѣжденному.

Въ заключеніе Наполеонъ перешелъ къ нашему курсу и сказалъ: «не война съ англичанами была причиною тому, что онъ сдѣлался такъ плохъ, а виною тому всегдашнее дурное управленіе нашихъ финансовъ и чрезмѣрное количество выпущенныхъ бумажныхъ денегъ; по его убѣжденію, если бы мы даже сейчасъ имѣли миръ съ Англіею, то курсъ не многимъ возвысится» ¹⁾. По мнѣнію Напо-

¹⁾ Между прочимъ, въ разговорѣ Наполеонъ спросилъ Чернышева много ли грабили въ Турціи наши генералы? Чернышевъ отвѣтилъ, что подобныя злоупотребленія были положительно неизвѣстны среди нашихъ войскъ, въ особенности, что касается нашихъ генераловъ и офицеровъ, и что, въ отношеніи порядка и дисциплины, послѣдніе походы въ Финляндіи и Турціи, могутъ быть названы образцовыми. Наполеонъ возразилъ ему, смѣясь, что онъ не правъ, говоря съ нимъ не откровенно, что онъ знаетъ, что наши не на столько хищники какъ его, но что онъ не отважился бы отвѣчать за начальниковъ нашего авангарда и за нашихъ полковниковъ-казаковъ.

леона, ничего лучшаго нельзя было бы сдѣлать, какъ продолжать мѣры, принятыя правительствомъ относительно продажи государственныхъ имуществъ и уменьшенія ассигнацій; какъ только заключенъ будетъ миръ съ Турціею, нашъ курсъ значительно улучшится, по той причинѣ, что войны, которыя мы вели со шведами и турками не изъ такихъ, въ которыхъ можно бы пріобрѣсти деньги; напротивъ того, мы были вынуждены вывозить деньги.

11-го (23-го) октября, Наполеонъ призвалъ къ себѣ Чернышева и вручилъ ему письмо къ Императору Александру, продолжая болѣе трехъ часовъ разговоръ, начатый съ нимъ на балу. Наполеонъ поручилъ Чернышеву увѣрить Императора Александра, что привязанность къ его особѣ и чувства къ Россіи остались неизмѣнными, вопреки всѣмъ слухамъ и толкамъ о близкомъ разрывѣ между двумя имперіями.

«Эти слухи», сказалъ Наполеонъ, «также неосновательны, какъ извѣстіе о пріѣздѣ императора австрійскаго въ Фонтенебло, какъ намѣреніе мое посадить на испанскій престолъ эрцъ-герцога Карла или астурийскаго принца. Хороша бы была моя политика отдать Испанію чужимъ, послѣ трехъ лѣтъ непрестанныхъ трудовъ и кровопролитной войны. Такія нелѣпости распространяютъ въ особенности въ Германіи. Нѣсколько разъ опровергалъ я ихъ въ Монитерѣ, но не въ моей власти уничтожить ихъ; самое лучшее не обращать на нихъ вниманіе. Къ несчастію, однакожъ, должно признаться, что съ нѣкотораго времени существуетъ нѣкоторая холодность между Россіею и Франціею; наши отношенія уже не такія дружественныя и откровенныя, какими они быть должны. Причиною тому, предположенная конвенція о Польшѣ. Вы хотѣли заставить меня подписать такія вещи, которыя моя честь не позволяетъ мнѣ даже выговорить. Я могу обѣщать не содѣйствовать возстановленію Польши, но, не читая въ будущемъ, мнѣ нельзя предвидѣть, что случится можетъ, и гарантировать формально, чтобы этого не случилось. Не обезчестивъ себя, не могу объявить себя непріателемъ народа (въ случаѣ возмущенія съ его стороны), давшаго мнѣ столько доказательствъ привязанности и дружбы. Впрочемъ, съ удовольствіемъ узналъ, что у васъ перестали придавать такую важность этой конвенціи, которая сама по себѣ ничего не значитъ. Говоря откровенно, сожалѣю, что Галиція присоединена къ герцогству Варшавскому. Это одна изъ причинъ, могущихъ способствовать къ охлажденію между обѣими имперіями. Это присоединеніе не входило вовсе въ мои расчеты и

было вынуждено обстоятельствами. Если бы въ кампанію 1809 года вы дѣйствовали рѣшительно и завладѣли Галиціею, я не былъ бы поставленъ въ необходимость спасать этимъ присоединеніемъ разныхъ лицъ этой области, которыя приняли мою сторону. Будь я на вашемъ мѣстѣ, но не видя опасности со стороны турокъ, я повернулъ бы назадъ тѣ 100,000 человекъ, которые противъ нихъ дѣйствовали и, вступивъ въ Венгрію, предписалъ бы миръ обѣимъ сторонамъ. Не говорю вамъ это въ видѣ упрека; вы сами находились при мнѣ въ продолженіи всей кампаніи, вы можете засвидѣтельствовать, что я никогда не жаловался; я очень хорошо зналъ, что вы могли и совсѣмъ не вступить за мое дѣло и даже выступить противъ меня, что въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я находился, крайне затруднило бы меня; я говорю это вамъ только для разъясненія хода самага дѣла».

По поводу избранія принца Понте-Корво, Наполеонъ поручилъ Чернышеву передать Императору Александру, что онъ не принималъ въ немъ никакого участія; что онъ вовсе не заинтересованъ видѣть на шведскомъ престолѣ одного изъ своихъ маршаловъ, который даже не родня ему; что избраніе Бернадота вскружило голову всѣмъ прочимъ маршаламъ, которые вообразили себѣ, что имѣютъ права на престолы.

Послѣ всѣхъ этихъ экскурсій въ область внѣшней политики, Наполеонъ снова возвратился къ главному вопросу, который занималъ его болѣе прочихъ: къ задержкѣ англійскихъ кораблей въ Балтійскомъ морѣ. Онъ повторилъ, что теперь одно рѣшеніе Императора Александра можетъ заставить англичанъ просить мира; въ противномъ случаѣ цѣль не будетъ достигнута. Остальная часть разговора была посвящена оправданію себя во всѣхъ нареканіяхъ, возводимыхъ на него по поводу отношеній къ Россіи и онъ снова называлъ нелѣпыми слухи на счетъ скорого разрыва его съ Императоромъ Александромъ и союза съ Австріею. Развивая свои мысли по этому жгучему вопросу, Наполеонъ упомянулъ, что Россія тоже подала поводъ къ этимъ слухамъ о войнѣ, укрѣпляя Ригу.

Чернышевъ отвѣчалъ, что мы укрѣпляемъ Ригу противъ покушеній англичанъ.

— «Вы ошибаетесь», возразилъ Наполеонъ, «у васъ укрѣпляютъ лѣвый берегъ Двины. Я ничего не могу возразить противъ того. Всякое государство имѣетъ право укрѣплять свои пограничные пункты. Поляки также укрѣпляютъ Прагу».

— «Именно это обстоятельство», замѣтилъ Чернышевъ, «есть главная причина слуховъ о войнѣ».

— «Будьте спокойны съ этой стороны», продолжалъ Наполеонъ, «я не пойду ни въ польскіе лѣды, ни въ украинскія степи. На это могъ бы рѣшиться Александръ Македонскій, но не я. У меня лежитъ на сердцѣ война морская; желаю одного, образовать внушительную морскую силу. Поэтому Императоръ Александръ можетъ съ полною безопасностью обратить всѣ свои силы противъ турокъ и избѣгнуть большихъ расходовъ, отказавшись отъ новыхъ рекрутскихъ наборовъ. Я съ своей стороны въ этомъ году также не призывалъ конскриптовъ»¹⁾.

Тѣмъ кончилась аудіенція Чернышева въ Фонтенебло въ 1810 году. Въ заключеніе Наполеонъ просилъ его возвратиться опять въ Парижъ.

V.

По прибытіи Чернышева въ Петербургъ, Императоръ Александръ долго разспрашивалъ его о всѣхъ подробностяхъ пребыванія въ Парижѣ, о Наполеонѣ и его дворѣ. Письмо отъ 11-го (23-го) октября, которое привезъ Чернышевъ изъ Фонтенебло, касалось только одного главнаго вопроса, занимавшаго тогда всѣ помыслы Наполеона: желательной имъ конфискаціи англійскихъ комерческихъ судовъ въ русскихъ гаваняхъ Балтійскаго моря²⁾. Все это необходимо было, какъ того желалъ Наполеонъ, дополнить устнымъ разговоромъ; эта сторона дѣла и возложена была на Чернышева. Выразивъ Чернышеву всю свою признательность, Государь произвелъ его 8-го ноября

¹⁾ «Extrait des discours que m'a tenu S. M. l'Empereur Napoléon à Fontainebleau au bal le 9 (21) Octobre, en m'annonçant ma prochaine expédition et ensuite le 11 (23), à mon audience de congé qui a duré plus de trois heures. Chacune de ses phrases développant une idée, ou présentant une de ses arrière pensées, j'ai taché de retenir et à conserver toutes ses expressions autant que possible». Это собственноручное донесеніе, представленное Императору Александру, подписано: «Czernichef aide de camp de sa Majesté l'Empereur».

²⁾ Наполеонъ, между прочимъ, писалъ Императору Александру: «Il dépend de Votre Majesté d'avoir la paix ou de faire durer la guerre. La paix est et doit être son désir. Votre Majesté est certaine que nous y arrivons si elle confisque ces six cents batiments ou leur chargement. Quelques papiers qu'ils aient, sous quelque nom qu'ils se masquent, français, allemands, espagnols, danois, russes, suédois, Votre Majesté peut être sûre que ce sont des Anglais».

въ полковники и приказалъ ему быть готовымъ возвратиться къ Наполеону; но вмѣстѣ съ тѣмъ Государь задумалъ возложить на него другое, чрезвычайной важности, порученіе: ѣхать изъ Петербурга сперва въ Стокгольмъ, а оттуда уже продолжать путь въ Парижъ.

Причина новаго порученія, возложеннаго на Чернышева, была вызвана слѣдующими соображеніями: хотя при избраніи своемъ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, Бернадотъ говорилъ Чернышеву о намѣреніи своемъ быть добрымъ сосѣдомъ Россіи, а затѣмъ по прибытіи въ Стокгольмъ, письменно подтвердилъ Императору Александру свое миролюбіе, но Государь желалъ, однако, еще болѣе несомнѣннымъ образомъ увѣриться въ его настоящихъ мысляхъ. Изъ всѣхъ русскихъ людей того времени, одинъ только Чернышевъ былъ коротко знакомъ съ маршаломъ Бернадотомъ, который оказывалъ ему полную довѣренность; поэтому Императоръ Александръ не могъ колебаться въ выборѣ лица, на кого можно было возложить порученіе добыть положительныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ Бернадота.

Въ данной Чернышеву отъ канцлера графа Румянцова инструкціи, утвержденной Государемъ, было ему повелѣно сообщить принцу: 1) послѣ Фридрихсгамскаго мира и присоединенія Финляндіи къ Россіи, всѣ прежнія отношенія наши къ Швеціи измѣнились, причины вѣковыхъ раздоровъ исчезли, насталъ новый порядокъ вещей и пришло время, когда обѣимъ сѣвернымъ державамъ нѣтъ другихъ выгодъ, какъ сохранять взаимно миръ, и 2) что Императоръ Александръ торжественно объявляетъ намѣреніе жить съ Швеціею въ согласіи и не вмѣшиваться во внутреннія дѣла ея, приглашаетъ наслѣднаго принца не скрывать ничего отъ Государя и дѣйствовать въ отношеніи къ нему съ величайшею откровенностію¹⁾.

Въ половинѣ ноября, Чернышевъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Швецію черезъ Або и Аландскіе острова. На Ботническомъ заливѣ застигла его страшная буря. То выходилъ онъ на острова и пробирался пѣшкомъ по тонкому льду, то при малѣйшей возможности садился на лодку, пока, наконецъ, не былъ выброшенъ страшною бурею на крайній скалистый островокъ (Signilskär), въ 10-ти верстахъ отъ Аландскаго архипелага. Здѣсь, въ ожиданіи попутнаго вѣтра, онъ вынужденъ былъ прожить три дня съ половиною въ единственной рыбацкѣй хижинѣ, находящейся на островкѣ²⁾. На четвертыя

¹⁾ Instruction verbale donnée à M. de Czernichef, lors de son départ pour Stockholm. 19 Novembre 1810.

²⁾ «N'ayant pour toute nourriture que du mauvais biscuit». (Письмо Чернышева къ графу Румянцову отъ 7-го декабря 1810 года изъ Стокгольма).

сутки, пользуясь наставшимъ, наконецъ, попутнымъ вѣтромъ, Чернышевъ отправился на шведскій берегъ, и ночью съ 1-го на 2-е декабря 1810 года благополучно прибылъ въ Стокгольмъ. Въ тотъ же день наслѣдный принцъ велѣлъ ему передать, чрезъ министра иностранныхъ дѣлъ Энгестрёма, радость свою по поводу его пріѣзда въ Стокгольмъ, и нетерпѣніе, съ которымъ ожидаетъ отъ него сообщенія о настоящемъ расположеніи къ нему Императора Александра. Вмѣстѣ съ тѣмъ принцъ изъяслялъ крайнее сожалѣніе о невозможности нарушить этикетъ и принять Чернышева прежде представленія его королю.

Карлъ XIII принялъ Чернышева на другой день. Король высказалъ посланному Александра искреннее желаніе свое еще болѣе сблизиться съ Россіею и упрочить существовавшую дружбу. Послѣ этого король говорилъ о наслѣдномъ принцѣ, отзываясь о немъ съ необычайною похвалою, и выразилъ надежду, что онъ заслужитъ также благоволеніе Императора Александра.

Отъ короля Чернышевъ, въ сопровожденіи русскаго посла генерала Сухтелена, отправился къ наслѣдному принцу. Какъ только принцъ увидѣлъ Чернышева, онъ пошелъ къ нему на встрѣчу и нѣсколько разъ обнялъ его. Въ 5-ти-дневное пребываніе свое въ Стокгольмѣ, Чернышевъ имѣлъ три продолжительныя свиданія наединѣ съ принцемъ, который простеръ свое вниманіе до того, что даже испросилъ у короля разрѣшеніе пригласить русскаго гостя къ себѣ вдвоемъ обѣдать, вопреки этикету, воспрецавшему наслѣдникамъ шведскаго престола звать къ себѣ обѣдать иностранцевъ. Во время происходившихъ тогда бесѣдъ, Чернышевъ, объяснивъ миролюбивыя виды Императора Александра, получилъ самыя положительныя и повторенныя увѣренія принца въ томъ, что всѣ его желанія, вся цѣль его политики будутъ устремлены къ тому, чтобы снискать благорасположеніе и покровительство Государя. «Доложите Его Величеству», сказалъ принцъ, «что я ручаюсь честнымъ словомъ за себя и за шведское правительство ничего не предпринимать, при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ, что могло бы въ чемъ бы то ни было не понравиться ему». Затѣмъ принцъ сказалъ, что со времени прибытія въ Швецію, онъ сдѣлался совершенно человѣкомъ сѣвера (un homme du Nord) и просилъ увѣрить Государя, что онъ можетъ смотрѣть на Швецію, какъ на свой вѣрный вѣдетъ (sa vedette fidèle); что онъ сознаетъ все, чѣмъ обязанъ Франціи и употребитъ всѣ старанія сохранить дружескія сношенія съ нею, но это ни-

когда не заставить его потерять изъ виду свои выгоды, сдѣлавшіяся шведскими.

Во время другой бесѣды принцъ повторилъ, что даетъ честное слово (*sa parole d'honneur sacrée*), что Швеція не двинется (*ne bougerait pas*), въ какихъ бы обстоятельствахъ ни находилась Россія, и ничего не сдѣлаетъ, что могло ей быть неприятно; если нужно, то онъ готовъ выразить это обѣщаніе даже на письмѣ.

Въ разговорахъ, принцъ неоднократно жаловался на Наполеона, противъ котораго онъ былъ замѣтнымъ образомъ раздраженъ, представляя его дерзкія и грубыя требованія. «Скорѣе погибну съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ допущу унижать народъ, избравшій меня управлять имъ», сказалъ онъ Чернышеву, прибавивъ, «что Наполеонъ ничего не можетъ сдѣлать Швеціи, если она обезпечена со стороны Россіи, онъ найдетъ здѣсь вторую Испанію».

Передъ отъѣздомъ изъ Стокгольма, Чернышевъ написалъ Императору Александру 7-го декабря пространное донесеніе о положеніи Швеціи, разговорахъ съ королемъ, наслѣднымъ принцемъ, министрами, дипломатами ¹⁾. Въ этомъ донесеніи, Чернышевъ высказалъ Государю слѣдующее окончательное заключеніе:

«Я очень счастливъ, Государь, что тѣ свѣдѣнія, о которыхъ я имѣлъ счастье доносить Вашему Величеству касательно характера наслѣднаго принца, оправдываются. Его высочество говорилъ со мною настолько откровенно, что нельзя не признать въ его рѣчахъ отпечатка истины. Это, конечно, не слуга императора Наполеона, я думаю даже, что онъ будетъ не долго скрывать это, потому что его за-живо затронутое самолюбіе сдѣлало то, что онъ совершенно потерялъ для Франціи. Принцъ простеръ свою откровенность до того, что сказалъ мнѣ, что такъ какъ Швеція бѣдна, онъ вынужденъ сдерживать себя, дабы вытянуть до послѣдняго гроша все то, чѣмъ онъ владѣлъ во Франціи. Что же касается его чувствъ къ Россіи, то я осмѣливаюсь увѣрить Ваше Величество, что онъ честно относится къ ней и если мы будемъ щадить его, то можемъ даже рассчитывать на него. Поэтому Ваше Величество можете во всякое время быть спокойнымъ на счетъ Финляндіи и даже располагать свободно частью войскъ, которыя тамъ находятся. Во-первыхъ, Швеція не имѣетъ средствъ для наступательной войны, ни денегъ, ни

достаточно регулярныхъ войскъ, ни припасовъ; затѣмъ наслѣдный принцъ вполне убѣжденъ, что собственныя выгоды должны побуждать его искать покровительство и поддержку Вашего Величества, и не замедлить, при малѣйшемъ знакѣ съ вашей стороны, подчиниться тому, что вы пожелаете».

Для характеристики дипломатической изворотливости Чернышева, замѣтимъ здѣсь еще, что разставаясь съ нимъ наслѣдный принцъ вручилъ ему два письма, одно къ Наполеону, а другое къ принцессѣ Боргезе. Чернышевъ нашелъ возможнымъ послать Императору Александру копии этихъ двухъ писемъ, выражаясь по этому поводу въ письмѣ къ Государю слѣдующимъ образомъ: «*Supposant qu'il sera fort intéressant pour votre Majesté d'en prendre connaissance, j'ai trouvé moyen d'en tirer copie*». Точно также Чернышевъ поступилъ съ письмомъ къ принцессѣ Боргезе.

Французскій посолъ баронъ Алькье также снабдилъ Чернышева депешкою, но эту бумагу оказалось невозможнымъ перлюстрировать; хитрый дипломатъ принялъ свои мѣры предосторожности для сохраненія служебной тайны. «*La dépêche de M. Alquier m'ayant paru inabordable, je n'ai pas osé y toucher crainte de me compromettre*», писалъ Чернышевъ.

7-го декабря Чернышевъ выѣхалъ изъ Стокгольма. Въ Гельсингборгѣ онъ переправился черезъ Зундъ и Бельтъ въ виду англійской эскадры и, не останавливаясь въ Копенгагенѣ, продолжалъ уже прямо путь въ Парижъ.

Объясненія наслѣднаго принца съ Чернышевымъ имѣли слѣдствіемъ довѣрительную переписку, начавшуюся вслѣдъ затѣмъ между Императоромъ Александромъ и Бернадотомъ. Такимъ образомъ, Чернышевъ положилъ основаніе самой тѣсной дружбѣ между Россіею и Швеціею, которая доставила намъ въ трудную годину 1812 года неисчислимыя выгоды. Что же касается всеподданнѣйшаго донесенія, посланнаго Чернышевымъ изъ Стокгольма, то, по свидѣтельству современника, Императоръ Александръ былъ до такой степени имъ доволенъ, что «поставлялъ оное въ число образцовыхъ. Похвала тѣмъ лестнѣйшая, что самъ Императоръ владѣлъ перомъ отменно искусно».

19-го (31-го) декабря 1810 г. Императоръ Александръ написалъ наслѣдному принцу официальное письмо, въ которомъ благодарилъ его за пріемъ, оказанный флигель-адъютанту Чернышеву. Но къ этому письму приложено было другое, съ надписью: «*Pour votre Altesse Royale seule*». Въ строкахъ этого письма вылились всѣ сокровенныя мысли Императора Александра; онъ обращается уже не

¹⁾ Донесеніе Чернышева долженъ былъ немедленно доставить въ Петербургъ находившійся при немъ для этой цѣли фельдъегерь.

къ наслѣдному принцу, а къ «homme distingué par ses talents, son caractère, ses principes», и пишетъ: «Elevé moi-même par un républicain, j'ai de bonne heure appris à priser plus l'homme que les titres, ainsi je serai plus flatté des liens qui s'établiront entre nous comme homme à homme que comme souverains». — C'est d'âme que je veux être votre ami», прибавилъ еще Государь.

Наполеонъ въ это время и не подозрѣвалъ, что обласканный имъ молодой флигель-адъютантъ лишилъ его навсегда возможности рассчитывать на содѣйствіе Швеціи въ подготовлявшемся тогда походѣ противъ Россіи.

Ж. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

